

The Journal of Indo-European studies.
Vol. 36, 2008.

No 1—2

Журнал открывается объемной и довольно спорной работой известного археолога Дэвида Энтони, посвященной проблеме выделения прото-германской прародины и, шире — соотношению лингвистических и археологических данных (D. W. Anthony. A New Approach to Language and Archeology: The Usatovo Culture and the Separation of Pre-Germanic, pp. 1—51). В общем эта проблема старая и до сих пор не разрешенная¹; тем более интересным кажется заявленный автором «новый подход» к ней. В начале автор формулирует необходимость определить собственную позицию относительно предполагаемой прародины индоевропейцев и заявляет о том, что является сторонником теории Ямной культуры, разделяя позицию Гимбутас, Мэллори, Адамса и др.; прародину он локализует (в пространстве и во времени) в «Понтийско-Каспийских степях между 4500 и 2500 до н. э.» (р. 6). Анатолийская теория, отодвигающая выделение индоевропейцев в середину 6-го тыс. до н. э., по его мнению, противоречит распространению обозначений *колеса* и *колесницы* в и.-е. диалектах. Далее Д. Энтони выдвигает предположение, что на северо-востоке данного региона, предположительно — на юге Урала, происходили длительные и регулярные контакты и.-е. общности с уральскими народами, чем и объясняются заимствования в уральском. Позднее, примерно в середине 3-го тыс. до н. э., выделилась и мигрировала в Европу западная ветвь и.-е., где она способствовала смене языка у местного, субстратного населения (никак не атри-

буированного у Энтони). Основной причиной смены языка автор считает наличие социального престижа у завоевателей в глазах местного населения (в работе приводятся аналогичные феномены, относящиеся к более позднему времени). На данном этапе автор предполагает выделение диалекта, называемого им пре-германским (в отличие от протогерманского), в котором он видит своего рода континуум, переходный этап от и.-е. к языку, распавшемуся еще позднее на отдельные диалекты германского. Знакомый с трудами В. Блажека и С. А. Старостина, автор признает, что первыми от и.-е. общности отделились анатолийские языки, затем — тохарские, затем — кельтские (однако предлагает при этом все же придерживаться итало-кельтской теории, отмечая, однако, возможность постоянных контактов и ранних заимствований между группами). Следующей, по его мнению, отделилась греко-армянская группа и, таким образом, индоиранские, балто-славянские и пре-германские языки образовали, по его подсчетам, основывающимся в основном уже на археологических данных, некий диалектный континуум, находящийся в постоянном контакте как бы внутри себя. Эти группы диалектов, как пишет Энтони, локализовались еще в районе Понт-Каспий, откуда собственно и начались их миграции на запад и на север в 4-м тысячелетии до н. э. Более локальной зоной выделения западной ветви и.-е. языков он считает место культур Триполье-Кукутень, носителей которых он идентифицирует как пре-германцев (с элементами других пре-диалектов). Время распада так называемого «позднего Триполья» Д. Энтони датирует 2500—2300 гг. до н. э. и связывает этот процесс с активными миграциями на запад. При этом носители поздне-Трипольской культуры, сконцентрированные в районе между Днестром и Прутом, во многом подверглись интеграции степной культуры Усатова, и именно там,

¹ См., например, краткий обзор в статье: Фалилеев А. И. Лингвистическая атрибуция носителей культуры Триполье/Кукутень. О доверии к лингвистическим построениям археологов // *Acta Linguistica Petropolitana*. Т. IV, часть I, СПб., 2008. Ср. также: Дыбо В. А. Язык — этнос — археологическая культура (несколько мыслей по поводу индоевропейской проблемы) // Сравнительно-историческое исследование языков: современное состояние и перспективы. М., 2003.

по его мнению, зародился пре-германский диалект. Именно поэтому, как полагает автор, прямого соотнесения следов материальной культуры, как и данных антропологии, которые могли бы быть непосредственно соотнесены с предками германцев, нет и не может быть, поскольку данный протоэтнос формировался как слияние нескольких этносов и культур. Большую роль в распространении носителей пре-германского языка на территории Европы Д. Энтони отводит доместикации лошади в данном регионе, которая использовалась там (по данным археологии) не только как тяговое животное, но и для верховой езды. В статье уделено значительное место перечислению преимуществ верховой езды как для скотоводства (пастух верхом на лошади может обслуживать значительное число голов крупного рогатого скота), так и для перемещений значительных групп населения, а также, естественно, во время ведения войны. В то же время, как он полагает, именно там были заложены основы социальных взаимоотношений, базирующихся на «взаимном договоре»: как между членами общины (гость-хозяин), так и между человеком и божеством. Выделение своего рода «элиты всадников», носителей и.-е. диалекта, заставило основное степное население (доиндоевропейское) перейти на этот «более престижный» как экономически, так и социально язык. Собственно археологический материал в работе представлен описанием курганных захоронений, которые, как он полагает, были заимствованы частью пре-германцев от степной усатовской культуры. Вопрос об изначальной этнической принадлежности носителей усатовской культуры в статье не ставится.

Ставшая традиционной для этого издания кельтская тематика представлена на этот раз одной работой — статьей Дж. Карни «Недуг уладов: перспектива обмена» (J. Carney. The Pangs of the Ulstermen: An Exchangist Perspective, pp. 52—66). Автор фиксирует свое внимание на том, что герой ирландского эпоса Кухулин почему-то оказывается неподверженным недугу, наложенному на всех уладов оскорбленной ими богиней. После краткого обзора существующих интерпретаций этого феномена Дж. Карни предлагает собственную, отметим — довольно убедительную: Кухулин, который до этого добровольно согласился исполнять функции сторожа дома кузнеца Кулана (вместо убитого им пса) тем самым автоматически перешел в «третью» дюмезилевскую функцию и оказался вне полагающейся ему по рождению группы «воинов», на которых проклятие богини и было наложено.

Автор статьи об отражении мифа о потопе в древнеиндийской традиции Г. Дюкер (G. Ducœr. Passing through Flood Waters in Vedic Thought, pp. 67—77) старается показать древность и аутентичность этого мотива и находит его следы в «Ригведе». Несмотря на то, что в эксплицитной форме миф о потопе представлен лишь в «Шатапатхабрахмане» и традиционно считается заимствованным из ассиро-вавилонской традиции, Дюкер предлагает видеть его имплицитные упоминания уже в гимнах Ригvedы. Так, в метафорических описаниях спасения человека от невзгод мира посредством его *перенесения* через них (ср. устойчивая метафора в русск. пер.: «Как на лодке через реку») в статье предлагается видеть архаические представления о спасении человека от вод на предоставленном божеством корабле. Аналогичным образом автор рассматривает и описание Сомы, которая уподобляется океану, потокам, бурному морю и проч. Миф о спасении человечества посредством перенесения через воды в Ведической традиции представлен в метафорической форме еще шире и, по мнению автора, кодируется основой *pr-*, к и.-е. **per-* ‘над, сверх, через’. Таким образом, автор приходит к выводу, что «изложенный в «Шатапатхабрахмане» миф восходит непосредственно к ведической традиции о спасении человечества» (р. 74).

Небольшая, но содержательная заметка Дж. Грегпина (J. Greppin, More Material on the Urartian Substratum in Armenian, pp. 79—87) основывается на работах И. Дьяконова и С. Старостина, согласно которым хуррито-урартские языки родственны лезгинским (точнее — входят в группу нахско-дагестанских — Т. М.). Автор предлагает список из восьми дагестанских лексем, имеющих фонологические и семантические параллели в древнеармянском. По его мнению, они являются ранними заимствованиями в армянский из утраченного пласта языка Урарту.

Статья А. Клокхорста «Некоторые индо-уральские черты в хеттском» (A. Kloekhorst, Some Indo-Uralic Aspects of Hittite, pp. 88—95) посвящена уточнению стадильной датировки выделения аناлийской группы из и.-е. семьи языков. Автор акцентирует свое внимание на двух морфологических аспектах (постопозитивные местоимения-клитики при имени и реконструируемая форма личного местоимения 2 sg.), которые находят параллели в языках уральской семьи (по определению автора — «сестры индоевропейской»). Так, наличие в хеттском безударных форм личных посессивов, которые для и.-е. являются скорее эксклюзивной чертой (поссессивные местоименные

клитики в языках Балканского союза автор считает поздней инновацией) и которые также принимают падежную флексию (по схеме: 1 sg.: NOUN + ENDING + mV + ENDING, e. g. *attan-man* > *attamman* 'моего отца', асс. sg.) находит параллели в языках уральских (ср., например, саамск.: *ač'ča-m* 'мой отец'). Т. е. в его формулировке, приведенной выше и.-е. схеме соответствует уральская: NOUN + CASE SUFFIX + mV (р. 92). Эта параллель, как пишет Клокхорст, «слишком поразительна, чтобы быть случайной». Не менее ярким кажется ему и то, что и для хеттского, и для прото-уральского форма личного местоимения 2 sg реконструируется как **ti* (для хеттск. **tiH*), тогда как для других и.-е. языков она реконструируется как **tu*. На базе изложенного автор делает вывод, что уральские языки, как и анатолийские, сохранили архаические черты, присущие индоевро-уральской общности, тогда как все остальные и.-е. языки возникли в результате совместных параллельных инноваций (как их называет автор — CI: Common innovations, р. 94).

В небольшой заметке, посвященной предположительной этимологии греч. βεῦδος 'женская рубаха, туника', А. Лубоцкий на базе анализа контекстов, где встречается лексема, предлагает видеть в ней старое фригийское заимствование: < *bevδος* 'статуя, образ' (к. и.-е. **b^heud^h-os-* 'восприятие, зрительный образ', см. pp. 96—98).

К. Монетт посвящает свое детальное исследование образу Иного мира в «Беовульфе», «Шахнаме» и ирландском «Похищении быка из Куальнге» (С. Monette. Heroes and Hells in *Beowulf*, the *Shahnameh* and the *Táin Bó Cúailnge*, pp. 99—147). Автор обращает внимание на сходство в описании водяных монстров — противников героя — в указанных памятниках, а также в традиционных описаниях самого поединка протагониста с зооморфным противником. Однако в статье не делается, казалось бы, традиционный же вывод об общих генетических корнях мотива, но предлагается совершенно иной, смелый подход: мотив змееборчества представляет собой относительно позднее заимствование из античной традиции (в основном — из мифов о Геракле, широко распространенных как в Европе, так и в Азии в период раннего Средневековья).

В статье Б. Огибенина предлагается описание нового словарного индекса для санскрита (New

Type Word Indexes for Use in Sanskrit Philology, pp. 148—162). После перечисления существующих «традиционных» (serial indexes) словарей санскрита и их мотивированной оценки автор предлагает новый тип словаря-указателя: обратный словарь (reverse index). Словари такого типа, как пишет автор, также существуют, однако группировка материала в них, по его мнению, далека до совершенной. Б. Огибенин предлагает не выделять в обратном словаре разделы по частям речи, но помещать слова в их изоморфо-фонологической форме, что позволит сделать такой словарь одновременно лексикологическим и грамматическим. К тому же в словаре такого типа предлагается «раскрытие» сандхи от собственно текстового вхождения лексемы до его исходной формы на уровне морфемных швов. Данный принцип, по его мнению, особенно актуален для изучения морфологии (и этимологии) буддийского санскрита (см. р. 162).

Журнал завершается довольно подробным, одновременно лингвистическим и этнографическим исследованием А. Поручича (A. Poruciuc. Two Romanian terms (*tureci* and *cioareci*) based on Old Germanic designations of leg-coverings, pp. 163—184), посвященным не только собственно германским заимствованиям в румынском (для обозначения видов обуви), но и шире — истории костюма варварских обществ периода Империи, значению кожаных штанов для верховой езды, заимствованиям деталей одежды германцев и кельтов римлянами с сохранением соответствующей лексемы и проч., в основном — на базе анализа распространения и семантической вариации так называемого кельто-германского корня **braca*, обозначающего кожаное покрытие для ноги (как штаны, так и обувь). Анализ заявленных в названии работы основ также представлен на широком фоне фонетических и семантических вариаций, в котором собственно этимология и непосредственный источник предполагаемого заимствования совершенно теряется. Однако нельзя не согласиться с общей идеей автора о том, что на территории Дакии могли существовать не дошедшие до нас германские диалекты, а также с тем, что семантика лексем, обозначающих детали одежды и обуви, в значительной степени варьирует и иногда в ее основе лежит не собственно объект, но название материала, из которого он сделан.

№ 3—4

Второй выпуск журнала в основном посвящен смежной теме — различным аспектам рекон-

струкции индоевропейской мифологии и поэтики; собственно языкознанию в нем уделено гораздо

меньше места. Приведем названия статей, говорящие сами за себя:

E. R. Anderson and V. Norouzalibeik. *Father-Son Combat: An Indo-European Typescene and its Variations* (pp. 269—332);

J. Fisher. *Asterisking Ennius: The Annales of Quintus Ennius and the Indo-European Tradition* (pp. 333—355);

E. Lyle. *The Marriage and Recovery of the Young Goddess: Story and Structure* (pp. 356—370);

A. F. Erol. *Analyzing the Relationship between the Crescent Shaped Shield and the Amazons* (pp. 411—427);

C. Anghelina. *The Immovable Olympus: Olympus as Zeus' Seat* (pp. 428—441);

J. Colarusso. *The Hunters (Indo-European proto-myths: The Storm God, The Good King, The Mighty Hunter)* (pp. 442—463).

На этом фоне особый интерес представляет короткая, но яркая полемическая заметка С. Вансеверен, посвященная проблеме обнаружения «нового» индоевропейского языка (S. Vanséveren. *A "New" Ancient Indo-European Language? On Assumed Linguistic Contacts between Sumerian and Indo-European "Euphratic"*, pp. 371—382). Работа направлена против серии исследований Г. Витакера (G. Whittaker. *Traces of an Early Indo-European Language in Southern Mesopotamia // Göttingen Beiträge zur Sprachwissenschaft*, 1, 1998; *Word Formation in Euphratic // J. Clackson, B. Olsen (eds.), Indo-European Word Formation, Copenhagen, 2004; The Sumerian Question: reviewing the issues // W. H. Van Soldt (ed.) Ethnicity in Ancient Mesopotamia*, 48th RAI. Leiden, 2005 и др.). В свое время, обнаружив в традиционно считающемся изолятом шумерском языке ряд лексем, имеющих сходство с индоевропейскими, Г. Витакер предположил наличие в Южной Месопотамии в 4 тыс. до н. э. не оставившего свидетельств и.е. языка, который мог послужить источником для соответствующих заимствований (он насчитывает более 200 подобных корней). По его мнению, данный язык принадлежал скорее к западному типу и.е. языков, имел ларингалы и уже сформировал женский род. Как пишет С. Вансеверен, «теоретически факт обнаружения «нового» и.е. языка возможен, однако конкретное исследование каждый ряд сталкивается с неразрешимыми трудностями» (р. 371)². По мнению Г. Ви-

такера, особого внимания в шумерском заслуживают отдельные «аномальные» слова, противоречащие традиционной фонотактике: лишенные вокалического сингармонизма, имеющие кластеры, а также представленные вариативно, что может говорить о возможном заимствовании. В своей критике данных идей, как мы позволим себе заметить, С. Вансеверен, возможно, слишком строга. Так, например, предложенное возведение *nun/nin* 'царица' и *gan* 'женщина' к и.е. **g^wen-/*g^wneh₂*, по ее мнению, не могло дать столь вариативный анлаут, но ср. при этом галльск. *geneta, gnata, neta, nata* 'девушка' (Т. М.). Аналогичным образом автор «не может понять», каким образом, согласно Витакеру, и.е. **penk^we* могло дать шумерск. *kinga* 'пять', как бы забывая о лат. *quinque*... Возражает автор и против предложенного Витакером отождествления шумерского *peš* 'рыба' с и.е. **pisk-i-*, утверждая, что данная основа представлена только в латыни, а также германских и кельтских языках, и что само базовое понятие «рыба» на и.е. уровне не реконструируется (р. 375). Это действительно так, однако привлечение славянских данных дает целый разброс продолжений данной и.е. основы для обозначения видов рыб (родо-видовой сдвиг — явление, достаточно частое в диахронической семантике). Кроме того, не следует забывать, что при реконструкции «евфратского» Витакер говорил лишь о заимствованиях в шумерском. Впрочем, на полемику мы не имеем права. Признавая наличие некоторого сходства шумерских и и.е. основ, С. Вансеверин согласна, что при желании здесь можно действительно увидеть и.е. заимствования, но не из эфемерного евфратского, а «из самого протоиндоевропейского» (р. 379), еще не распавшегося на диалекты. Что же касается «нового» индоевропейского языка, то его реконструкция представляется ей «хрупким картонным домиком» (р. 380).

Статья П. Бросмана посвящена анализу фонотактических условий, при которых на протоиндоевропейском уровне (еще до выделения анатолийских языков) был возможен переход *iw > im* (P. Brosman. *PIE iw > im: a Reaffirmation*, pp. 383—400).

В. Сайерс обращается к предположительной этимологии английских слов *dog* и *cur* 'дворняжка' (W. Sayers. *The Etymology of English dog and cur*, pp. 401—410). В первом он предлагает видеть позднее бриттское заимствование из композита *da* 'хороший' и *ci* 'собака' (в ленированной форме *-gi*). Второй термин представляет больше трудностей для реконструкции ввиду его распространения также в скандинавской зоне и в нидерландском. Автор выдвигает осторожное предположе-

² Сошлемся в данной связи на недавнюю попытку Дж. Кука реконструировать другой изолят — тартессийский, как один из кельтских языков (J. T. Koch. *Tartessian. Celtic in the South-west at the Dawn of History*. Aberystwyth, 2009).

ние, что это может быть сложным образом трансформированный латинизм: из *canis curialis*, однако сам же говорит о сомнительности подобной реконструкции. Статья завершается выводом, что реконструкция названий такого важного для культу-

ры понятия, как *собака*, должно проводиться с учетом разнообразия использования этого domesticiрованного животного — на охоте, для охраны дома, для охраны разных видов скота и проч. (р. 408).